

Глава 9

Духовный рис благоухал куда слаще, чем обычный, что ели простые смертные. Стоило его сварить на пару, как зёрна наливались влагой, становясь прозрачными, точно чистейший хрусталь. Шэнь Хан бережно разминал их деревянной лопаткой, остужал, раскатывал в тонкие пласты, а затем опускал в кипящее масло, выпекая лепешки до ровного золотистого цвета.

Хуан Чань лежал рядом, преданно роняя слюни. Подбрасывая лапой дрова в зев печи, он негромко канючил:

— Госпожа, а можно мне кусочек? Только первый, без боярышникового джема, а?

— Нельзя, — отрезал А-Бай, сидевший тут же на корточках, и ткнул Хуан Чаня пальцем прямо в лоб.

У бедолаги от страха шерсть на хвосте встала дыбом. Пусть Достопочтенный Демон сейчас и казался совершенно безобидным, пёс в панике отпрянул в сторону. Он всё никак не мог привыкнуть к тому, что грозный Владыка демонов в одночасье сделался обыкновенным зазывалой в придорожной чайной.

В этот момент к заведению неторопливо побрела толпа оборванцев. Один из них, судя по виду — старший, заголосил надрывным голосом:

— Хозяин, яви милость! Помещик отобрал у нас всё зерно до последнего зёрнышка! Если крохи в рот не возьмём, детишки с голоду помрут...

А-Бай резко вскинул голову, его взгляд сделался опасно острым. К сожалению, сейчас его телесная оболочка скрывала лишь уцелевшую крупцу первородной души, и он не мог с ходу распознать истинное лицо незваных гостей. Однако чутьё его не обманывало. Накрыв ладонью руку Шэнь Хана, он едва заметно покачал головой и предупредил вполголоса:

— Тут что-то не так. Насторожись.

— Гав! — Хуан Чань тут же подскочил ближе и согласно вильнул хвостом. — Я тоже чую неладное.

Раз уж оба верных стража — и бывший пёс, и бывший владыка — почуяли неладное, Шэнь Хан решил довериться их звериному инстинкту. Он сделал вид, будто ничего не слышит, и продолжил спокойно жарить рисовые лепешки.

Мнимые нищие голосили у входа ещё долго. Несколько истощённых с виду ребятишек даже повалились в дорожную пыль, жалобно хрипя и извиваясь, однако в чайном шалаше по-прежнему царило полное молчание.

Видя, что жалостью хозяина не взять, старик-вожак театрально вздохнул:

— Ох, матушка-судьба... Никакой жизни простому люду не осталось в этом мире!

«Руки-ноги целы, на больных не похожи, — рассудил про себя Шэнь Хан. — Доберись они до города Тэнчжоу, живо бы нашли какую-нибудь подработку на пропитание»

К тому же его заведение едва сводило концы с концами. Прокормить себя да двух прожорливых питомцев — уже подвиг, а если начать раздавать духовный рис каждому встречному, лавку придётся закрыть уже завтра. Шэнь Хан был добрым малым, но не глупцом. А уж обидятся нищие или нет — их дело.

Поняв, что здесь ловить нечего, оборванцы лениво побрели прочь. Стоило им скрыться в густой лесной чаще подальше от чужих глаз, как нищенское тряпье растаяло. Перед ними предстали крепкие, холёные мужчины в дорогих одеждах — демонические практики из Школы Тёмных Воронов.

Раздосадованные тем, что не удалось пробраться в чайную под видом голодающих, они поспешили вглубь чащи, чтобы забрать оставленный там драгоценный артефакт своей школы — Знамя призыва душ.

Однако они опоздали. Школа Обрушения Гор и Школа Небесного Моря, объединив силы с несколькими бродячими заклинателями, уже разгромили их засаду. Души воронов скорби, призванные знаменем, были безжалостно рассеяны праведным гневом. Само Знамя призыва душ, служившее ядром магического построения, лежало разорванным в клочья.

В тот самый миг, когда демонические адепты ворвались на поляну, Старший брат Школы Обрушения Гор небрежным щелчком пальцев опустил на истерзанный шелк искру истинного пламени. Артефакт мгновенно вспыхнул и за пару секунд обратился в кучку пепла.

— Да вы совсем страх потеряли! — взревел один из чернокнижников.

Это Знамя призыва душ принадлежало всей школе, а не кому-то лично. Чтобы выпросить его для похода, им пришлось заплатить непомерно высокую цену. И теперь оно уничтожено!

Демонические адепты готовы были биться насмерть. В их родной Школе Тёмных Воронов законы были куда суровее, чем у праведников. За подобный провал их не заставят переписывать трактаты или подметать двор. Большинству грозила мучительная смерть: старейшины просто высосут их души и соткут из них новое знамя взамен утерянного.

Отступать демонам было некуда, но и праведные заклинатели к этому моменту выбились из сил после затяжного боя. Кто-то из уставших воинов выкрикнул предложение укрыться. Вмиг применив Технику Отвода Глаз, они приняли облик оборванных нищих и толпой ринулись

прямиком к чайной лавке Шэнь Хана.

— Госпожа... там опять попрошайки! — Хуан Чань, нервно дёргая хвостом, заглянул внутрь. — На этот раз их раза в три больше! Мы их тоже проигнорируем?

— А-Бай? — Шэнь Хан вопросительно взглянул на юношу.

Тот стоял перед ним — высокий, статный, из плоти и крови. До сих пор Шэнь Хана согревала робкая радость: его давняя мечта провести всю жизнь бок о бок со своей собакой, похоже, сбывалась самым удивительным образом. Да и к тому же... разве они уже не обменялись помолвочными дарами? Ведь так?

Но сейчас А-Бай вёл себя иначе. Резко выпрямившись, он шагнул к выходу и замер, скрестив руки на груди. Его холодный взгляд следил за бегущими «нищими», которые неслись к чайной так, словно за ними гнались свирепые призраки преисподней.

Следом за этой волной относительно чистых «попрошайок» из леса выкатилась орава совсем чумазных оборванцев, злобно зыркающих на беглецов.

А-Бай привычно склонил голову набок и звучным, леденящим голосом объявил:

— Хотите войти — платите. Пиала чая и рисовая лепёшка обойдутся в пять медных монет.

— У меня есть деньги! Я заплачу серебром! — поспешно выкрикнул один из мнимых калек.

Он ловко запустил руку за пазуху, выхватил серебряный слиток и точным броском отправил его прямо в глиняный кувшин для медяков. Попал без промаха.

Тут уж даже простодушный Шэнь Хан понял, что гости эти весьма далеки от простых бродяг. Впрочем, раз за угощение щедро платили, расспрашивать он не стал. Юноша принялся споро разливать чай и подавать горячие рисовые лепешки.

Глядя на Цзяо Байюэ, который сейчас казался абсолютно лишённым духовных сил обычным смертным, именитые заклинатели почему-то почувствовали, как у них подкашиваются колени. Один за другим они торопливо вытаскивали серебро и бросали в кувшин, после чего чинно усаживались за низкие столики. Спины у всех были натянуты как струны.

Лишь когда А-Бай скрылся в глубине лавки и устроился на корточках рядом с Шэнь Ханом, они смогли перевести дух. Наспех проглотив еду и осушив пиалы, странные нищие спешно ретировались.

Чумазных же оборванцев — переодетых учеников Школы Тёмных Воронов — на порог не

пустили, поскольку при себе у них не оказалось ни единой монеты. Привыкшие к закону силы, они никогда не утруждали себя честной торговлей: слабых грабили, от сильных сбегали. Серебра у них отродясь водилось немного, да и то они ухитрились спустить во время прошлых набегов на эту же чайную.

Доходы росли на глазах, отчего Шэнь Хан так и светился от счастья. На радостях он выудил из глиняного жбана маринованные коренья, тонко их нарезал и промыл в чистой воде. К ним добавил нашинкованный соломкой зелёный перец и сочную капусту, купленную в городе Тэнчжоу.

Всё это он смешал с остатками варёного духовного риса и быстро обжарил в глубокой сковороде. Получился изумительный, ароматный жареный рис. Шэнь Хан долго вымерял этот рецепт, стараясь расходовать дорогие продукты как можно экономнее. А-Баю блюдо пришлось по душе, да и Хуан Чань, потянув носом воздух, сыто закрутил хвостом.

Вкусно поужинав в тёплом семейном кругу, маленькая компания стала устраиваться на ночлег. Жёлтому псу отвели его привычную охапку сухой соломы в углу.

Что же до Цзяо Байюэ, то ему полагалось спать на кровати, но ветхое ложе в чайной было настолько узким, что Шэнь Хан в нерешительности замер, не зная, как им двоим поместиться.

Стены их скромного жилища — собранные из плотных деревянных досок и проложенные сухой травой — надёжно защищали от ночной прохлады. Четвёртую же сторону они на ночь загородили пятью тяжёлыми низкими столами, создав неприступную преграду.

Цзяо Байюэ скользнул взглядом по лоскутному, застиранному до боли знакомому одеялу. Недолго думая, он протянул свои сильные руки, крепко прижал Шэнь Хана к себе и негромко, с бархатистой хрипотой в голосе произнес:

— А-Хан, мы ведь теперь супруги. А супругам положено делить одно ложе.

Договорив, он легко подхватил юношу на руки и уложил на постель. Прижавшись друг к другу всем телом, они устроились на удивление уютно — свободного места почти не осталось, но тесно им не было.

За спиной теперь лежал не тёплый пушистый пёс, а сильный мужчина с упругой, гладкой кожей. Шэнь Хан поначалу слегка смутился и попытался высвободиться, но случайно задел мягкие звериные ушки, внезапно пробившиеся сквозь шевелюру А-Бая. Огладив пальцами забавный вихрик шерсти у их основания, юноша мгновенно успокоился и обмяк.

Горячее дыхание коснулось его шеи. Затем влажный шершавый язык игриво прошёлся по щеке, оставляя мокрый след. Наконец, угадав нужное направление, А-Бай крепко впился в губы Шэнь Хана.

Они слились в глубоком, исступлённом поцелуе, переплетаясь языками. Когда А-Бай наконец отстранился, Шэнь Хан судорожно ловил ртом воздух, его грудь часто вздымалась. Похоже, даже обретя человеческий облик, этот огромный пёс не растерял своих старых привычек. Впрочем, юноше это было даже по душе.

Кое-как развернувшись в тесных объятиях лицом к А-Баю, он шутливо ткнул пальцем в его широкую грудь, а затем осторожно очертил ладонью рельефные кубики пресса. Ощутив приятное тепло, Шэнь Хан ласково коснулся его мягких губ быстрым поцелуем и шепнул:

— Спи.

— М-м-м, — сонно отозвался А-Бай и лишь крепче сжал объятия.

Один из них помнил лишь свои немногие собачьи годы, а второй всю жизнь провёл в глуши у дороги, толком не зная людских обычаев и тонкостей любви. Им обоим такое супружество казалось самым естественным делом на свете.

В ночной тишине Хуан Чань вовсе не собирался нести дозор. Развалившись на соломенной подстилке кверху брюхом, он сладко похрапывал, пребывая в полнейшем блаженстве.

Тем временем в лесной чаще за пределами чайной праведные заклинатели и чернокнижники увязли в непримиримой вражде. Уступать никто не желал. В конце концов они мысленно провели черту, разделив рощу на две равные половины. Из-за равенства сил ни одна сторона не решалась напасть первой, и непримиримые противники всю ночь напролёт злобно сверлили друг друга глазами сквозь темноту.

Ночь пролетела незаметно. Шэнь Хан проснулся с первыми лучами солнца. Уткнувшись взглядом в широкую светлую грудь спящего рядом мужчины, он почувствовал, как к щекам приливает жар.

Приподнявшись, он легко поцеловал А-Бая в губы и негромко позвал:

— А-Бай, пора вставать.

— У-у... — промычал тот. Звериные ушки на его макушке давно исчезли. Он ласково потерся носом о плечо юноши, после чего послушно открыл глаза. Как и положено преданному псу, который всегда готов оберегать своего хозяина, А-Бай никогда не нежился в постели попусту. Каким он был раньше, таким остался и сейчас.

А вот развалившийся на соломе Хуан Чань лишь лениво перевернулся на другой бок и оглушительно захрапел дальше.

Шэнь Хан не стал его тревожить. Наступал новый день, и забот хватало: нужно было принести

свежей воды, развести огонь, напечь простых пресных лепёшек из грубой муки. Попутно он заглянул на задний двор проверить, как поживают посевы пшеницы и духовного риса, да нарвать спелого боярышника — если обвалить его в сахаре, получится отличное лакомство.

К его изумлению, духовный рис, который он закопал в землю просто ради забавы, не только пустил корни, но и резво пошёл в рост. Крепкие зеленые побеги уже почти догнали высаженную ранее пшеницу.

Шэнь Хан обошёл крошечный огород, аккуратно выдернул сорняки и вернулся в чайную, готовясь к приёму первых путников.

Наконец соизволил проснуться и Хуан Чань. Сжав передними лапами пресную лепёшку, он наспех проглотил её вприкуску с острой маринованной редькой в красном перце. Сыто вильнув хвостом, он решил отправиться в лес на охоту.

— А-Бай, держи боярышник, — Шэнь Хан протянул пригоршню алых ягод Цзяо Байюэ. — Это с моего дерева. Странное оно: уже и сезон прошёл, а плоды всё не осыпаются.

— Здесь духовные жилы очень сильны. Всё, что растёт на заднем дворе этой лавки, впитывает первозданную ци, а потому не подчиняется обычным законам природы, — Цзяо Байюэ наклонился и губами взял ягоду прямо с ладони Шэнь Хана.

Он намеренно коснулся тёплой кожи губами, отчего юноша испуганно отдернул руку. На лице А-Бая промелькнула довольная улыбка:

— На этой земле определенно сокрыто некое великое сокровище.

— Вот как? — Шэнь Хан растерянно почесал затылок. — Об этом многие толкуют. Говорят, тут зарыты сокровища, оставленные прежним Владыкой демонов... То есть твоё наследство.

Цзяо Байюэ склонил голову набок, устремив на него долгий взгляд, и беспечно отозвался:

— Возможно. Я почти ничего не помню из прошлого. Единственное, что осталось в моей памяти — это ты, мой А-Хан.

От этих слов у Шэнь Хана сладко защемило в груди. Переполняемый нежностью, он потянулся навстречу и мягко прильнул к губам А-Бая.

Осмелев, он робко скользнул кончиком языка внутрь, и когда А-Бай с готовностью ответил на ласку, юноша увлёкся, сплетаясь с ним в упоительном, дразнящем поцелуе.

К тому времени, как у чайной начали собираться первые путники, желающие передохнуть с

дороги, ароматный настой уже томился в котле, а свежие лепешки ждали лишь ложки боярышникового джема. Шэнь Хан поймал себя на мысли, что у него появилось новое любимое занятие — целовать А-Бая. Мягкие человеческие губы оказались куда приятнее холодной собачьей морды.

Однако не все гости приходили с миром. Нашлись те, в чьих сердцах горела чёрная зависть к богатствам скромной лавки.

Сквозь заросли к чайной приближался дородный, пузатый мужчина. Расплываясь в заискивающей улыбке, он угодливо кланялся идущему следом заклинателю:

— Старейшина, взгляните. Вон там, впереди... Это и есть та самая придорожная чайная...

<http://bllate.org/book/20638/2119323>